

*Свидетели
эпохи*

ИРАКЛИЙ
ЦЕРЕТЕЛИ

■
Кризис власти

Воспоминания лидера меньшевиков,
депутата II Государственной думы
1917—1918

Ираклий Церетели
Кризис власти

«Центрполиграф»

Церетели И. Г.

Кризис власти / И. Г. Церетели — «Центрполиграф»,

Ираклий Церетели в своей книге удивительно точно передает атмосферу первых дней революции, яростный накал идеологических страстей и непримиримое противоборство партий, сводившее на нет и так довольно слабое стремление демократических сил к объединению. Подведя итог самым кризисным моментам двух революций, И.Г.Церетели отвечает на главный вопрос: почему не устояла коалиция и демократические партии потерпели полное поражение?

Содержание

Глава I. Апрельский кризис и образование коалиционного правительства	5
1. Первые симптомы гражданской войны	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ираклий Георгиевич Церетели

Кризис власти

Глава I. Апрельский кризис и образование коалиционного правительства

1. Первые симптомы гражданской войны

Первый кризис революции произошел в конце апреля, в результате конфликта между Исполнительным Комитетом и Временным правительством по вопросу о внешней политике.

Ничего не предвещало этого конфликта в дни, которые ему предшествовали. Напротив, казалось, что весь ход событий способствовал укреплению связи между Временным правительством и советской демократией.

Только что закончившееся Всероссийское совещание Советов огромным большинством одобрило политику соглашения, которая велась руководящим большинством Исполнительного Комитета Петроградского Совета. Совещание, пополнив Исполнительный Комитет избранными им новыми членами, уполномочило его продолжать ту же политику в качестве всероссийского органа Советов. Большевики, противники этой политики, оказались на Всероссийском совещании в ничтожном меньшинстве. Таково же было положение в местных Советах. Фронтные демократические организации, выражавшие настроения солдатских масс на фронте, в подавляющем большинстве солидаризовались с решениями совещания. Это обстоятельство делало для Временного правительства совершенно необходимым сохранять единение с Советами не только в вопросах внутренней, но и в вопросах внешней политики.

Что касается тогдашнего влияния революционной демократии на фронте, особенно памятливы мои впечатления, вынесенные из поездки в Минск.

В первой половине апреля, вскоре после окончания Всероссийского совещания, Исполнительный Комитет получил приглашение прислать делегацию на Общезападный съезд в Минске. Делегация была выбрана в составе Чхеидзе, Скобелева, Гвоздева и меня. Это было первое непосредственное соприкосновение официального советского представительства с фронтом.

Немедленно по приезде нашем в Минск организаторы съезда устроили нам свидание с командующим Западным фронтом генералом Гурко.

Высшее военное командование было противником изменений, внесенных революцией в организацию армии, и с трудом приспособлялось к новым условиям. Гурко считался одним из самых недовольных, но, пока он оставался на посту, он был вынужден прибегать к помощи армейских демократических организаций для поддержания дисциплины на фронте.

Знакомя нас с трудностями, с которыми ему приходилось иметь дело, Гурко обнаружил знакомство с дебатами и решениями Всероссийского совещания по вопросу о войне и задачах армейских организаций. Он выражал удовлетворение тем, что революционная демократия с определенностью высказалась за необходимость сохранить боеспособность армии. Он высказывал надежду, что мы, объясняя эти постановления съезду, создадим ту моральную атмосферу, которая облегчит командованию поддержание порядка на фронте.

В ходе нашей беседы я спросил Гурко, как налаживаются его отношения с армейскими демократическими организациями. Война, сказал он, требует от всех умения приспособиться к неожиданным положениям. Новая система уговаривания солдат трудна, но до сих пор мне

удавалось, по большей части, сговариваться с армейскими организациями, чтобы с их помощью предотвращать худшее. Это было сказано им тоном, в котором слышалось некоторое беспокойство, но не чувствовалось раздражения. Напротив, когда я спросил его о мерах, принятых Гучковым в целях поддержания порядка на фронте, он, к моему изумлению, сдержанно, но с заметным раздражением сказал: «Штатским людям трудно понять нужды военного командования». Помню, что эту разницу в тоне по отношению к революционерам и к военному министру я объяснил себе тем, что революционеры для бывшего царского генерала были настолько далекой средой, что их действия не вызвали в нем личных эмоций, тогда как Гучков, вышедший из тех же социальных кругов, что и он, и хозяйничавший в сфере его профессии, раздражал его каждым не нравившимся ему шагом.

Съезд происходил в большом помещении городского театра. Было около 1500 делегатов. Почти все делегаты были солдаты. Среди них было только несколько десятков молодых офицеров. Председательствовал солдат, социалист-революционер Сорокалетов. В своей приветственной речи, обращенной к нам, он подчеркнул солидарность фронтовой солдатской массы со стремлениями общероссийской революционной демократии. Три заседания были посвящены докладам, в которых мы знакомили съезд с политикой Петроградского Совета и Всероссийского совещания. Огромное большинство съезда с воодушевлением выражало свое согласие с излагаемыми нами взглядами. Но полного единодушия на съезде все же не было. С самого начала, при докладе Скобелева, произошел инцидент, который выявил существовавшие на фронте трения.

Скобелев делал доклад о революции в Петрограде, об образовании Совета и Временного правительства. Это была его любимая тема. В свой рассказ он вставлял описание эпизодов первых дней революции и говорил с некоторым налетом демагогии, столь характерной для этих первых дней. Описывая, как солдаты одного полка вышли из казарм, чтобы брататься с восставшим народом, он вызвал смех аудитории, прибавив, что офицеры этого полка «попрыгали под кровати». Большинство аплодировало, но в одном конце зала раздались бурные протесты. Они исходили от группы офицеров, делегатов съезда. После заседания к нам подошли товарищи из армейской организации и сказали Скобелеву, что он своим рассказом задел больное место армии. Недоверие и вражда к офицерам, говорили они, есть главное препятствие, на которое мы наталкиваемся в деле поддержания порядка на фронте. Ваше выступление звучало как поощрение враждебного отношения к командованию, и вот почему присутствующая группа офицеров так горячо протестовала.

Этот инцидент, конечно, нас огорчил. Чтобы исправить свою оплошность, Скобелев в начале следующего заседания взял слово для разъяснения и заявил, что он описывал один индивидуальный случай и совсем не имел в виду относить это ко всему офицерству, тем более что многие из них с первых же дней примкнули к революции. Воздав должное жертвенному духу офицеров, обороняющих родину вместе с солдатами, он добавил, что сожалеет о впечатлении, которое его слова произвели на присутствующих офицеров, участие которых в этом съезде является лучшим показателем того, что необходимое для спасения страны сотрудничество офицеров и солдат при новом строе находит свое осуществление. При этих словах несколько офицеров подошли к эстраде и под аплодисменты съезда пожали руку Скобелеву.

Мы знали, что среди делегатов съезда были и противники советской политики: небольшая группа большевиков, с одной стороны, и более многочисленная группа правых – с другой. Считаясь с этим, мы построили свои доклады так, чтобы они включали в себя ответ критикам справа и слева.

Чхеидзе представил съезду доклад об отношениях между Советом и Временным правительством. Он говорил о том, как часто Временное правительство само обращалось к Совету за помощью и как вслед за тем осуществление этой помощи изображалось в правых буржуазных кругах как вторжение Советов в функции правительства. При общих аплодисментах съезда он

говорил, что советская демократия стремится не к установлению двоевластия, а к согласованию политики Временного правительства со стремлениями широких демократических масс, объединившихся вокруг Совета.

Гвоздев, один из самых выдающихся представителей рабочей интеллигенции, сформировавшейся в профессиональных рабочих организациях еще до революции, говорил съезду о настроениях петроградских рабочих. Его доклад имел целью рассеять в солдатской массе на фронте распространявшиеся правыми газетами слухи, что рабочий класс погрузился в эгоистическую борьбу за улучшение своего положения и не думает об исполнении своего долга по отношению к армии на фронте. Но когда Гвоздев рассказал о трудных условиях, в которых рабочие продолжают работать на фабриках, и о том революционном одушевлении, с которым они готовы поддержать в тылу дело революционной армии на фронте, его заявления были встречены с таким явным сочувствием, что не оставалось сомнения, что в среде делегатов предубеждения против рабочих не было.

Я сделал доклад о решениях Всероссийского совещания по вопросу о войне и мирной кампании. Эти решения, конечно, вызвали особенно живой интерес фронтовых делегатов. Представители армейских организаций передали мне перед докладом вопросы, на которые делегаты хотели получить ответ: принимает ли Временное правительство меры для приближения мира? Какой отклик находят в союзных странах и в Германии наши призывы к общему миру? Может ли революционная Россия заключить сепаратный мир с Германией?

Знакомя съезд с первыми шагами, предпринятыми Временным правительством и Советами для постановки перед народами союзных и воюющих с нами стран вопроса о всеобщем демократическом мире, я не скрывал тех трудностей, которые предстояло еще преодолеть на этом пути. Съезд слушал внимательно, и мы с удовлетворением видели, что в этой массе фронтовых делегатов, приветствовавших начало борьбы за приближение всеобщего мира, указания на трудности этой борьбы, на невозможность сепаратного выхода из войны, на необходимость поддерживать боеспособность фронта, пока стране угрожает вторжение врага, встречали понимание настолько живое, что призывы к исполнению долга на фронте сопровождались бурными аплодисментами.

То было время, когда волна дезертирств, поднявшаяся еще до переворота и усилившаяся в первый месяц революции, спала и солдаты, под влиянием призывов революционных организаций, возвращались на фронт. Критика пораженчества, братания с врагом, призывов к сепаратному миру встречала со стороны всего съезда живое одобрение.

Вслед за докладом посыпались вопросы в письменной форме. Большая часть этих записок исходила от оппозиции справа, которая не решалась выступить открыто. Одна записка ставила, например, вопрос о «дезертирстве» (цитирую по стенографическому отчету съезда, перепечатанному в сборнике моих речей). Автор записки утверждал, что «после обращения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в некоторых частях солдаты стали уходить в немецкие окопы, отказывались возвращаться, и некоторые приходили в нетрезвом и далеко неполном виде». Когда в ответ на этот вопрос я напомнил обращение Всероссийского совещания к солдатам, добавив: «Вы знаете, товарищи, мы призываем к защите страны, к защите демократии, и кто эти слова истолкует как призыв к дезертирству, тот или с темными целями действует, или безнадежный идиот», то последовали, согласно той же стенограмме, «смех, рукоплескания, голос: „Это полицейские подали, которые притом массами удирают под предлогом болезней“».

В том же роде были другие «вопросы» справа, как, например: «Имеется ли гражданское право понуждать другие страны: Англию, Францию и Германию – преклониться перед хотениями кучки русских солдат и рабочих?» Такие «вопросы» оппозиционных делегатов только подчеркивали их изолированность на съезде, огромное большинство которого бурно выражало свое согласие с нами, когда я напоминал, что призыв к всеобщему миру исходит не от кучки

солдат и рабочих, а от всей революционной России, стремящейся пробудить братский отклик в народах других воюющих стран.

Но были и другие записки, исшедшие из рядов большинства. Одна из них ставила вопрос, который был наиболее трудным на съезде: об отношении к командному составу. Дело в том, что, несмотря на чистку старого командного состава, начатую министерством Гучкова, в среде командования оставались еще офицеры, заведомо враждебные новому строю. Представители армейских организаций рассказывали нам, как трудно было убеждать солдат, даже самых патриотически настроенных, повиноваться военным приказам таких офицеров, которых они подозревали в измене и контрреволюционных замыслах. Поданная записка гласила: «Могут ли войска быть уверены, получив приказ наступать, что этот приказ соответствует воле правительства и одобряется демократией?» На этот вопрос я ответил: «В настоящее время армия в России подчиняется революционному правительству, находящемуся под непосредственным контролем революционной демократии. В этих условиях, товарищи, немыслимо ставить войска в такое положение, чтобы каждая отдельная часть, получив приказ наступать на неприятеля, рассуждала бы, соответствует ли этот приказ действительной воле правительства ли нет. Пока оставлены, пока находятся в рядах армии начальники за ответственностью нынешнего правительства, их приказы наступать на фронте должны исполняться. Но если где-нибудь подозревается измена делу революции, делу свободной России, то об этом довести до сведения Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, которые доведут до сведения Временного правительства, и изменники будут заключены под стражу, как уж были заключены многие из них. *(Рукоплекскания.)*»

Стенографические отчеты наших докладов и следовавших за ними вопросов и ответов были, по постановлению съезда, изданы отдельной брошюрой и получили широкое распространение на фронте.

Левая оппозиция на съезде не проявила себя никак. На председательской трибуне рядом с социалистом-революционером Сорокалетовым сидел интернационалист Позерн, который, как нам сказали, проявил большую активность в организации этого фронтового съезда. По своей фракционной принадлежности он должен был быть в оппозиции, но атмосфера, господствовавшая на съезде, очевидно, на него повлияла, и в беседах с нами он не только не оспаривал наших взглядов, но выражал полную солидарность с ними. Он с торжеством говорил нам, что среди делегатов оказалось всего около двадцати большевиков и что они, ввиду общего враждебного к ним отношения, не решаются даже защищать свою платформу.

Мы провели в Минске два дня. В свободные от съезда часы мы беседовали с представителями армейских организаций, которые знакомили нас с настроениями солдатской массы на фронте. После двух с половиною лет войны, говорили они, в солдатской среде чувствуются сильная усталость и жажда мира; отсюда повышенный интерес солдат к вопросу о том, принимает ли новое правительство меры для приближения окончания войны. Но вместе с тем поразительных настроений не замечается и есть сознание необходимости защиты страны. Случаи неповиновения воинским приказам объясняются усталостью или недоверием к командному составу. Но моральный авторитет демократических организаций велик, и только этот авторитет помогает восстанавливать дисциплину и предохранять фронт от эксцессов и разложения.

Одновременно с нами была приглашена на съезд и делегация Комитета Государственной думы. Она побывала на съезде за день до нашего приезда. Но Родзянко и его коллеги были встречены съездом довольно холодно. Все, что мы видели и слышали, убеждало нас, что демократические инстинкты масс отталкивали их от крайностей справа и слева и находили свое удовлетворение в той политике, которая велась тогда руководящим большинством революционной демократии.

Из поездки в Минск запомнилось мне также посещение нами военного госпиталя.

Организаторы съезда передали нам, что раненые, узнав о приезде делегации Петроградского Совета, просили дать им возможность повидать ее. В госпитале мы соприкоснулись с войной еще более реально, чем на съезде фронтовых делегатов. Здесь во всем ужасе встала перед нами картина войны, сеющей смерть и страдания. Сотни тяжелораненых лежали на койках, другие с трудом передвигались на костылях. Им не пришлось самим видеть революцию, но происшедшие события взбудоражили и их. Те из них, кто мог говорить, задавали вопросы о новых порядках, о земле, о возможностях мира. Председатель Совета Чхеидзе вызывал их особенный интерес. Когда он наклонялся над койками, воспаленные глаза раненых с доверием и надеждой смотрели на него. Чхеидзе, глубоко тронутый, говорил с ними с волнением, обещая, что обновленная родина не забудет своего долга перед ними. Обычно несловоохотливый и сдержанный в выражении своих чувств, он весь преобразился и сумел найти слова ободрения, шедшие прямо к сердцу раненых, которые слушали его с просветленными лицами.

Возвращаясь в Петроград, мы делились впечатлениями от этой поездки. Каждый из нас сознавал, что на съезде фронтовых делегатов мы видели преимущественно лицевую сторону солдатской психологии. Готовность следовать директивам органов революционной демократии должна была встретить огромные трудности при своем претворении в жизнь в среде утомленной долгой войной армии. Но тот факт, что при всех симптомах анархии и утомления солдатские массы в этот первый период революции обнаруживали явную тенденцию идти за теми, кто звал их к исполнению долга под руководством новых демократических организаций, тот факт, что пораженчество и максималистская демагогия встречали со стороны огромного большинства стихийный отпор, внушал нам надежду, что в созданных революцией организациях сформируются кадры, которые утвердят демократию, дав ей нужную устойчивость в предстоящих бурях.

Мы вернулись в Петроград 10 апреля. В порядке дня Исполнительного Комитета стоял вопрос о дальнейших шагах в области внешней политики.

Перед нашей поездкой в Минск лидер партии социалистов-революционеров Чернов, только что вернувшийся из эмиграции, сделал в Исполнительном Комитете доклад о настроениях в Западной Европе и о том, какое огромное впечатление производили там призывы Совета к демократическому миру. Но в Европе, говорил Чернов, нашли распространение также заявления и интервью министра иностранных дел Милюкова, идущие вразрез с этой кампанией. Там создалось впечатление, что Временное правительство расходится в этом основном вопросе с Советами, и там совершенно незамеченной прошла декларация правительства об отказе от империалистических целей войны. Поэтому Чернов предлагал потребовать от правительства, чтобы оно сообщило союзникам свое «Обращение к гражданам» от 27 марта официально, в форме дипломатической ноты. Мы все, конечно, согласились с этим, и Исполнительный Комитет постановил, что немедленно после возвращения советской делегации с минского съезда контактная комиссия сделает нужные шаги в этом направлении.

11 апреля вечером контактная комиссия, включившая в свой состав Чернова, поставила этот вопрос перед Временным правительством.

Это была одна из самых дружеских наших встреч с правительством. Чернова, впервые появившегося в Мариинском дворце, члены правительства поздравляли с приездом, некоторые из них вспоминали о прежних с ним встречах, расспрашивали о положении на Западе. Это дало ему повод остановиться и на цели нашего посещения Временного правительства, и кн. Львов сказал, что он не видит препятствий к удовлетворению нашего желания. Некрасов и Терещенко расспрашивали нас о впечатлениях от минского съезда, и казалось, когда кн. Львов открыл заседание, что между нами и правительством царит полная гармония.

Сейчас же по открытии заседания Чернов подробно обосновал наше предложение. Предвидя возражения Милюкова, он особенно настаивал на том, что предлагаемый нами шаг ни в каком случае не подвергнет опасности прочность нашей связи с западными союзниками.

Делясь своими наблюдениями над эволюцией общественного мнения в западных странах, он указывал, что заявление правительства революционной России об отказе от старых, империалистических целей будет встречено там с сочувствием и поставит там в порядок дня в самой благоприятной для нас форме вопрос о пересмотре общесоюзнических целей войны.

После Чернова взяли слово Скобелев и я, чтобы поддержать это предложение доводами, основанными на том, что мы видели в Минске. Мы говорили об единодушном убеждении представителей армейских организаций, что укрепление фронта связано с возникновением в солдатской среде уверенности, что новое правительство делает все, что возможно, для приближения демократического мира.

Милюков встретил наше предложение с явным неудовольствием. Выступление Временного правительства с официальной нотой по вопросу о щелях войны, говорил он, может вызвать тревогу в союзных правительствах, ибо даст новую пищу слухам о том, что Россия готовится порвать свои связи с союзниками. Но, видя нашу настойчивость и чувствуя, что остальные члены правительства не желают возобновления споров, уже имевших место при обсуждении акта 27 марта, Милюков закончил заявлением, что не отказывается от посылки ноты и сделает это в ближайшем будущем.

Добившись этого согласия, мы не поставили вопроса о редакции ноты, предполагая само собой разумеющимся, что единственным содержанием ее будет текст заявления от 27 марта, который был установлен нами после таких длительных споров с Временным правительством.

Замечательно, что эти переговоры были одними из самых кратких, какие нам приходилось иметь с правительством. Сравнивая их с долгими и трудными переговорами по поводу акта 27 марта, я объяснял себе эту разницу тем, что при первых переговорах вопрос решался по существу и что, раз удалось добиться перелома в политике правительства, в дальнейшем справляться с оппозицией Милюкова делалось легче.

Слухи об этих переговорах немедленно проникли в печать. Через несколько дней появилось в газетах известие, что правительство готовит соответствующее обращение. Затем это известие было опровергнуто. В советских кругах и в примыкавших к ним массах интерес к делу был огромный. Мы со все возрастающим нетерпением ждали сообщения о посылке ноты.

Как раз в это время правительство добивалось от нас, чтобы мы провели на общем заседании Петроградского Совета поддержку выпущенного правительством «Займа Свободы». В принципе вопрос о поддержке займа был решен в Исполнительном Комитете в положительном смысле, но так как осуществление этого решения совпало с моментом, когда мы выжидали посылку ноты, то мы решили связать эти два акта и отложить голосование в Петроградском Совете по вопросу о займе до опубликования ожидаемой ноты.

Об этом я предупредил кн. Львова по телефону в ответ на его просьбу ускорить голосование займа.

16 апреля было назначено собрание Петроградского Совета с вопросом о «Займе Свободы» в порядке дня. На этом собрании от имени Исполнительного Комитета мы предложили Совету отложить обсуждение вопроса о займе до отправки ноты правительством, и собрание приняло это предложение.

19 апреля кн. Львов прислал в Таврический дворец на мое имя долгожданное сообщение о посылке ноты. Я получил пакет в присутствии Чхеидзе, Скобелева, Дана и некоторых других членов Исполнительного Комитета и прочитал вслух текст, который нас ошеломил своим содержанием.

Нота указывала, что министр иностранных дел поручал российским представителям при союзных державах сообщить им текст «Обращения к гражданам» от 27 марта. Но вместе с тем она снабжала это обращение комментариями, суть которых сводилась к тому, что «высказанные Временным правительством (в „Обращении к гражданам“ от 27 марта) общие положения вполне соответствуют тем высоким идеям, которые постоянно высказывались вплоть

до самого последнего времени многими выдающимися государственными деятелями союзных стран» и что, «продолжая питать полную уверенность в победоносном окончании настоящей войны в полном согласии с союзниками, Временное правительство совершенно уверено в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии мира найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем».

Чтобы понять впечатление, которое произвела на нас эта нота, надо представить себе атмосферу революционной России в эту эпоху и ту кампанию, которую вела советская демократия. Во всех наших обращениях к социалистическим партиям всего мира, в нашей прессе, в наших резолюциях и речах, обращенных к населению и армии, мы постоянно подчеркивали, что заявление Временного правительства от 27 марта является первым с начала мировой войны актом, которым одна из воюющих стран отказалась от всяких империалистических целей. Мы не уставали подчеркивать, что общественное мнение союзных демократических стран должно поддержать этот почин, чтобы добиться такого же отказа от империалистических целей со стороны своих правительств и выработать новую общесоюзную платформу общедемократического мира. Именно по этим соображениям настаивали мы на превращении заявления 27 марта в официальную ноту.

Борьба против этой политики демократического мира велась как внутри России, так и в союзных странах под лозунгами «Войны до победного конца», «До осуществления санкций и гарантий», продиктованных побежденному врагу. И вот в ноте, поясняющей смысл акта 27 марта, Милюков провозглашал лозунгами Временного правительства именно эти, ставшие ненавистными для революционной демократии, лозунги. И эта нота, которая представляла собой не что иное, как полемику с основными положениями политики Советов, преподносилась революционной демократии как удовлетворение ее требования.

Хуже всего было то, что нота была уже отправлена союзникам и текст ее был сообщен печати.

Если бы Милюков задался целью вызвать разрыв между Советами и правительством, лучшего средства для этого, чем его нота, он найти не мог. Таково было общее впечатление всех присутствовавших, которые в один голос выражали свое удивление и возмущение. Чхеидзе долго молчал, слушая негодующие возгласы окружающих, и потом, повернувшись ко мне, сказал тихим голосом, в котором слышалось давно назревшее глубокое убеждение: «Милюков – это злой дух революции».

Весть о получении текста ноты разнеслась по кулуарам Таврического дворца. Подходили все новые члены Исполнительного Комитета, которые знакомились с текстом ноты. До открытия заседания образовалось импровизированное совещание присутствовавших членов. В оживленном обмене мнений не только члены левой оппозиции, но и некоторые члены большинства характеризовали ноту как провокацию, как вызов. Скобелев, я и другие пытались смягчить разгоревшиеся страсти, что было очень трудно. Стремясь получить какие-нибудь успокоительные сведения, Брамсон задал мне вопрос, думаю ли я, на основании опыта переговоров с правительством, что правительство намеренно редактировало ноту так, чтобы отмежеваться от политики советской демократии.

На это я ответил, что, по моему мнению, единственный министр, который действительно стремится противопоставить нашей внешней политике политику правительства, – это Милюков. Большинство министров, напротив, при всех переговорах обнаруживало желание установить линию поведения, согласованную с нашей. При этих условиях, говорил я, я не могу себе объяснить принятие текста ноты правительством иначе, как поразительным легкомыслием, обнаруженным в этом случае большинством! правительства. Милюков, вероятно, со своей обычной настойчивостью говорил правительству, что официальное сообщение союзни-

кам акта 27 марта является уже огромной уступкой советской демократии, на которую он соглашается, скрепя сердце. И в качестве компенсации за эту уступку он настоял на посылке своей сопроводительной ноты. А остальные члены правительства, вероятно, думали, что удовлетворение нашего требования о сообщении союзникам акта 27 марта сделает для нас приемлемой и сопроводительную ноту, которую они, очевидно, не рассмотрели с должным вниманием.

Все эти недоразумения, сказал один из левых членов Исполнительного Комитета, сделались возможны, так как мы не говорим с правительством полным голосом. Почему контактная комиссия не предложила до сих пор правительству поставить перед союзниками вопрос о демократическом мире так, как этот вопрос был поставлен в манифесте Совета от 14 марта?

Я понимаю ваше недовольство нотой, ответил Скобелев, но не надо идти до крайностей. Когда Совет редактировал свой манифест, он считался с русской революцией, с нашей ширококолейной русской дорогой. А когда правительство обращается дипломатическим путем к иностранным правительствам, оно должно приспособляться к условиям зарубежных стран, к их узкоколейной дороге. Там в общественном мнении дело всеобщего мира натывается на трудности, которые русская революция должна преодолеть постепенно, чтобы избежать крушения. В ноте Милюкова неприемлемо для нас не то, что она считается с существующими трудностями, а то, что под предлогом этих трудностей она заменяет лозунги русской революции чуждыми ей лозунгами международной политики.

Почти полный состав Исполнительного Комитета был налицо, и Чхеидзе открыл собрание в атмосфере крайнего возбуждения.

Волнение вызывалось общим сознанием, что надвинулся кризис. Оценка ноты по существу разногласий не вызывала. Все соглашались, что эту ноту, уже переданную правительством в печать, Исполнительный Комитет признать удовлетворительной не может. Поэтому главный интерес дебатов сосредоточился на вопросе о том, какими путями искать разрешения конфликта.

В то время застрельщиками левой оппозиции в Исполнительном Комитете были все еще интернационалисты, которым большевистская фракция охотно предоставляла инициативу крайних предложений. С самой решительной речью выступил «межрайонец» Юрнев, который указал, что нота показывает всю бесплодность переговоров с правительством. На сцену должны выступить народные массы. На провокационный вызов правительства мы должны ответить апелляцией к массам. Только их выступление покажет и правительству, и всему миру, какова истинная воля русской революции.

Шляпников, бывший тогда одним из левых большевиков, также настаивал на призыве к массам, и в его злобных замечаниях о Милюкове и всем Временном правительстве чувствовалась нутряная классовая ненависть к буржуазии.

В среде руководящего большинства Исполнительного Комитета возмущение нотой было так велико, что некоторые из его членов тоже не видели другого исхода, как обращение к массам с призывом выступить против Временного правительства. Богданов, обычно спокойный, но в критические минуты проявлявший крайнюю импульсивность, был вне себя от негодования. Нота Милюкова, говорил он, наносит удар прежде всего нам, представителям большинства Исполнительного Комитета. Настал момент, когда переговоры с глазу на глаз между Исполнительным Комитетом и правительством потеряли смысл. Слово должно быть дано массам. Только их выступление может оказать реальное воздействие на правительство.

Трудовики Станкевич и Брамсон старались смягчить страсти. Не надо, говорили они, придавать преувеличенное значение сопроводительной ноте. Ведь полный текст акта 27 марта, заключающий в себе отказ от старых империалистических целей, передан официально союзным правительствам. Кто знаком с положением в правительстве, тот знает, что эта сопроводительная нота есть очередная неуместная выходка Милюкова и не выражает взглядов правительства. Брамсон при этом напоминал, что сами друзья Милюкова соглашались, что он является

«гением бестактности». Нельзя же из-за бестактности одного министра ставить на карту судьбу общенациональной революции.

Каменев, выразивший лучше Шляпникова доминировавшую тогда в большевистской организации тактику, явно стремился снять с большевиков ответственность за призыв к демонстрациям. Нота Милюкова, говорил он, лишний раз подтверждает то, что утверждали всегда представители большевистской партии. Не демократический мир, а война до победного конца является лозунгом буржуазии. Милюков и его коллеги – представители этого класса, и они не могут проводить другую политику. Антиимпериалистическую политику можно осуществлять, только устранив буржуазное правительство и заменив его правительством революционной демократии. Большинство Исполнительного Комитета этого не желает, и если некоторые из его среды предлагают апеллировать к массам, то в надежде заставить этим путем буржуазное правительство делать чуждое для него дело. Большевики такой иллюзии не имеют. Но если большинство Исполнительного Комитета решит призвать массы, большевики, как один человек, поддержат этот призыв, так как уличные движения являются лучшей школой политического воспитания масс и лучшим способом подготовки условий для замены правительства буржуазии правительством революционной демократии.

Из членов контактной комиссии Чернова и Суханова на собрании не было. От имени трех присутствовавших членов, Чхеидзе, Скобелева и меня, я заявил, что, по существу, в оценке ноты разногласий в среде большинства быть не может. Этот акт является нарушением соглашения, которое делало возможным наше сотрудничество с правительством. Правительство должно дать нам такое удовлетворение, которое показало бы и стране, и всему миру, что внешняя политика Временного правительства определяется Обращением 27 марта, а не теми комментариями, которыми Милюков сопровождал это обращение.

Но в вопросе о призыве к массам, говорил я, мы расходимся не только с большевиками, которые хотят использовать манифестации для своей пропаганды, но и с теми из наших товарищей, кто не думает о свержении правительства и все же готовы призвать массы на борьбу с ним.

В возбужденной атмосфере, которая нас окружает, нам легко поднять массы против правительства. Но очень сомнительно, что, развязав эту энергию, мы окажемся в состоянии удерживать движение под своим контролем и помешать его превращению в общегражданскую войну. Советская демократия достаточно сильна, чтобы свергнуть Временное правительство. Но она не имеет ни достаточно прочного влияния во всех слоях населения, ни подготовленных демократических кадров, чтобы собственными силами организовать другое правительство, которое было бы бесспорно признано большинством населения и оказалось бы способным обеспечить удовлетворение насущных экономических и политических интересов страны.

Таково положение, которое вынуждает нас быть осторожными. Но еще больше вынуждает оно к осторожности правительство, которое знает, что без поддержки Советов оно существовать не может. В этих условиях мы имеем все основания думать, что и без призыва к массам сможем заставить правительство удовлетворить требование, которое мы к нему предъявим.

Исходя из этих соображений, я предложил отложить решение вопроса о призыве к массам и попытаться разрешить конфликт путем новых переговоров с правительством.

Предложение это, поддержанное Даном и Гоцем, было принято большинством.

Но как-никак, конфликт между Исполнительным Комитетом и Временным правительством был налицо, и последствия этого факта не заставили себя ждать.

Революционный Петроград с напряженным вниманием следил за всем, что происходило в Исполнительном Комитете. Таврический дворец был центром, который казался связанным невидимыми нитями со всеми возбужденными кварталами столицы. Слух о том, что Временное правительство по вопросу о целях войны вступило в конфликт с Исполнительным Коми-

тетом, быстро разнесся по кулуарам Таврического дворца и скоро достиг рабочих кварталов и солдатских казарм. Этого слуха было достаточно, чтобы массы поднялись.

С утра 20 апреля рабочие с окраин двинулись к центру города. Финляндский полк в боевом порядке окружил резиденцию правительства, Мариинский дворец.

Манифестанты двигались с красными знаменами и плакатами с надписью: «Долой Милюкова!», «Долой Гучкова!», «Долой захватную политику!» Некоторые плакаты были с надписью: «Долой Временное правительство!» Рабочие и солдатские массы стекались со всех сторон в убеждении, что они вышли на улицу по призыву Исполнительного Комитета. Исполнительный Комитет немедленно послал делегатов к Финляндскому полку и к манифестировавшим толпам рабочих и солдат, чтобы объяснить им, что такого призыва он не делал, что он, напротив, призывает манифестантов прекратить демонстрации, которые могут вызвать кровавые столкновения, и ждать решений руководящих органов революции.

Толпы манифестантов повиновались и расходились. Финляндский полк вернулся в казармы. Но общее возбуждение продолжалось, и новые манифестации возникали стихийно, тем более что сторонники правительства со своей стороны стали организовывать контрманифестации. Агитаторы из этой среды приписали инициативу движения большевикам, и особенно Ленину, зная, что последний в то время не пользовался никаким влиянием в массах и был так ненавидим солдатами, что вынужден был просить Исполнительный Комитет защитить его от эксцессов. Часть солдат присоединилась к этим контрманифестантам из правых обывателей, студентов и интеллигенции, выступавшим с плакатами «Долой Ленина!».

Возбуждение в Исполнительном Комитете особенно усилилось, когда стало известно, что главнокомандующий Петроградского военного округа генерал Корнилов отдал приказ вверенным ему воинским частям выйти на Дворцовую площадь с артиллерией. Одни воинские части повиновались и находились уже на Дворцовой площади, другие же отказались выйти и сообщили об этом Исполнительному Комитету.

Исполнительный Комитет немедленно предписал генералу Корнилову увести воинские части обратно в казармы и вслед за тем принял обращение к населению с призывом сохранять спокойствие, включив в это обращение следующее предписание воинским частям:

«Без зова Исполнительного Комитета в эти тревожные дни не выходите на улицу с оружием в руках. Только Исполнительному Комитету принадлежит распоряжение вами. Каждое распоряжение о выходе воинских частей на улицу (кроме обычных нарядов) должно быть отдано на бланке Исполнительного Комитета, скреплено его печатью и подписано не меньше чем двумя из следующих лиц...»

Корнилов выполнил предписание Исполнительного Комитета и увел войска. Но, оскорбленный этим вмешательством в сферу его действий, он скоро подал в отставку.

Руководящее большинство Исполнительного Комитета избегало присваивать себе правительственные функции. Формально протест ген. Корнилова был правилен. Но в этот момент страна была на краю гражданской войны. Первые кровавые столкновения между демонстрантами за и против правительства уже начались. Пушки на Дворцовой площади не могли не разжечь новых конфликтов. Поэтому в этих чрезвычайных обстоятельствах Исполнительный Комитет единогласно решил осуществить исключительные меры, взяв на себя правительственные функции для спасения страны от гражданской войны.

Роль большевистской партии в апрельских событиях была очень незначительна. Правда, большевики использовали эти стихийные выступления для самой демагогической пропаганды против правительства и против политики соглашения с ним. Отдельные большевистские агитаторы пытались даже побудить манифестантов требовать немедленного свержения Временного правительства. Но огромное большинство манифестантов, особенно солдаты, несмотря на свое крайнее возбуждение, обнаруживали к ним такое недоверие, что большевистская орга-

низация с Лениным во главе держалась в эти дни по вопросу о свержении правительства с крайней осторожностью.

Поведение большевистской партии в эти дни очень ярко характеризуется резолюциями, которые были приняты по предложению Ленина Центральным Комитетом большевистской партии 21 и 22 апреля и опубликованы большевистской прессой ко всеобщему сведению.

Резолюция 21 апреля гласила:

«Партийные агитаторы и ораторы должны опровергать гнусную ложь газет капиталистов и газет, поддерживающих Капиталистов, относительно того, будто мы грозим гражданской войной. Это – гнусная ложь, ибо только в данный момент, пока капиталисты и их правительство не могут и не смеют применять насилия над массами, пока масса солдат и рабочих свободно выражает свою волю, свободно выбирает и смещает все власти, – в такой момент наивна, бессмысленна, дика всякая мысль о гражданской войне, в такой момент необходимо подчинение воле большинства населения и свободная критика этой воли недовольным меньшинством; если дело дойдет до насилия, ответственность падет на Временное правительство и его сторонников» (Правда. 1917. 22 апр.).

Вторая резолюция, от 22 апреля, тоже принятая по предложению Ленина, заявляла:

«Лозунг „Долой Временное Правительство“ потому неверен сейчас, что без прочного (т. е. сознательного и организованного) большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг либо есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера. Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев, когда Советы Рабочих и Солдатских Депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки» (Правда. 1917. 23 апр.).

Для апрельского кризиса очень показательным то, что главным инициатором манифестаций оказался тогда еще мало кому известный Ф. Ф. Линде. Это он привел Финляндский полк к Мариинскому дворцу. Буржуазная пресса утверждала, что он большевик, но на самом деле он был беспартийный, идеалистически настроенный интеллигент. Математик по образованию, он был мобилизован во время войны и был солдатом Финляндского полка. Не входя ни в одну из существующих фракций, он с энтузиазмом отдался революции и был делегирован солдатами Финляндского полка в Исполнительный Комитет. Однако комитетская работа не дала удовлетворения его боевому темпераменту, и он вскоре вышел из состава Исполнительного Комитета. Под непосредственным впечатлением от ноты Милюкова он, возмущенный до глубины души, по собственному почину призвал полк манифестировать против правительства.

Для характеристики настроений Линде интересна его последующая судьба. После того как выяснилось, что Исполнительный Комитет не одобрял военной демонстрации, полковой комитет Финляндского полка осудил поступок Линде и постановил отправить его с первой маршевой ротой на фронт. Члены Исполнительного Комитета, знавшие Линде как убежденного оборонца и ценившие его большие дарования и решимость, рекомендовали его на должность помощника комиссара армии. Заняв эту должность, Линде обратил на себя внимание своей энергичной борьбой за восстановление дисциплины в рядах солдат. Вскоре он был назначен комиссаром армии на Юго-Западном фронте и в августе, когда большевизм был уже широко распространен среди солдат, геройски погиб на своем посту, убитый солдатами взбунтовавшегося большевистского полка, от которых он требовал занять оставленные ими позиции.

Я подчеркиваю эти обстоятельства, чтобы при описании апрельских событий избежать той ошибки, которая делалась некоторыми участниками этих событий, вспоминая о них после большевистской революции.

По мнению этих свидетелей, крушение Февральской революции было вызвано тем, что руководящее большинство советской демократии не поняло с самого начала истинного настроения солдатских масс. Мой друг Войтинский, бывший комиссаром Временного правительства на фронте и близко наблюдавший солдатскую психологию в месяцы, предшествовавшие

октябрьскому перевороту, не раз в разговорах со мной высказывал это мнение в связи с оценкой апрельских событий.

В апрельские дни, говорил Войтинский, с внешней стороны борьба шла между большинством Исполнительного Комитета и правым крылом Временного правительства. А по существу, в исторической перспективе, это было начало борьбы Ленина против большинства Исполнительного Комитета. Мы интерпретировали мотивы толпы слишком интеллигентски и идеалистически, как стихийный взрыв интернационализма против националистической политики Милюкова. На самом деле, в апрельских демонстрациях было очень мало интернационализма. По существу, это были демонстрации за мир, немедленный мир, мир во что бы то ни стало. Конечно, Линде, так же как и Вы и я, чувствовал это по-иному. Но полк пошел за Линде потому, что солдаты считали, что, отказываясь от аннексий и контрибуций, они приближают мир, а Милюков, настаивая на гарантиях, увеличивает для каждого из них опасность продолжения войны.

В этом объяснении апрельских манифестаций есть, несомненно, доля истины, но оно оставляет без внимания одну существенную сторону массовой солдатской психологии, очень ярко проявлявшуюся в те первые месяцы революции.

Солдаты, конечно, жаждали немедленного мира, и их озлобление против Милюкова объяснялось не «интернационализмом», а тем, что он противился политике приближения всеобщего мира. Но вместе с тем огромное большинство солдатской массы резко враждебно относилось в то время к проповеди немедленного сепаратного мира, которому эти же солдаты дали выразительное название «похабного мира». Это враждебное отношение солдат к лозунгу «Мира во что бы то ни стало» диктовалось и чувством стихийного патриотизма, и традиционной ненавистью к внешнему врагу, и доверием к революционно-демократической интеллигенции, которая, по понятиям солдат, принесла им освобождение от ига старого режима и делала все, что было возможно, для приближения такого мира, который не отдал бы страну в порабощение врагу. Эти чувства в солдатской массе поддерживались и укреплялись влиянием представителей рабочей и крестьянской интеллигенции, находившейся в рядах армии.

Не будь в солдатской психологии тех дней указанных черт, было бы непонятно, почему всякий призыв к немедленному миру встречал со стороны солдатских масс самый решительный отпор и часто приводил к яростным попыткам расправы с такими агитаторами. Именно эти настроения заставили большевистский Центральный Комитет, руководимый Лениным, не только напечатать в апрельские дни приведенные выше резолюции, но и публично осудить как «авантюристов» Богдатыева и других большевистских агитаторов, пытавшихся использовать апрельские манифестации для пропаганды свержения Временного правительства и заключения немедленного мира.

Понадобились очень большие сдвиги в солдатской психологии, чтобы жажда немедленного мира вытеснила у солдат все другие чувства и инстинкты. Исходным пунктом этих сдвигов для большинства солдатской массы было июльское выступление большевиков, которое обнаружило неспособность демократии противопоставить насилиям левого меньшинства силу организованной государственной власти. Об этих сдвигах в солдатской психологии мне придется подробно говорить дальше. Но в апрельские дни настроение армии было иное, и объяснять события этих дней чувствами, которые завладели массами в последующий период, было бы искажением исторической перспективы.

В продолжение двух дней, 20 и 21 апреля, уличные демонстрации продолжались. Несмотря на все усилия членов Исполнительного Комитета, в числе которых особенную активность для успокоения манифестантов проявляли Чхеидзе, Скобелев и Гоц среди солдат и Либер, Гвоздев и Богданов среди рабочих, общее возбуждение в городе не утихало. Манифестации и контрманифестации возникали снова и снова. Время от времени среди манифестирующих толп раздавались выстрелы, и слухи о пролитой крови усиливали общее возбуждение.

Нужно отметить, что, хотя Исполнительный Комитет призывал массы отказаться от манифестаций, а кадетские агитаторы, наоборот, звали своих сторонников манифестировать за правительство, антиправительственные манифестации были гораздо многочисленнее правительственных.

Такие же манифестации и контрманифестации происходили в эти дни и в Москве.

Утром 20 апреля кн. Львов пригласил меня к себе для переговоров. С ним был Некрасов. Оба они, очень взволнованные, выражали изумление, что Исполнительный Комитет истолковал сопроводительную ноту как враждебный акт. Они говорили, что во время обсуждения этой ноты в правительстве сам Милюков объяснял все выражения, им употребленные, в духе акта 27 марта, понимая под «победоносным окончанием войны» установление демократического мира.

Я отвечал, что выбирать для пояснения демократических целей войны слова и формулы, вошедшие в общий обиход как лозунги воинствующего империализма, по меньшей мере странно. Весь дух нашего соглашения, все долгие наши переговоры при выработке акта 27 марта должны были предостеречь правительство от этой ошибки.

Львов и Некрасов настаивали на своей интерпретации.

Мы перешли к вопросу, как найти выход из положения.

Львов в эти дни публично заявлял, что если советская демократия откажется от поддержки правительства, то оно готово уйти. Но в разговоре со мной он даже не упомянул об этом, так как ни советская демократия, ни правительство не думали серьезно о таком исходе.

Я указал на то, что, с точки зрения большинства Исполнительного Комитета, кризис может быть разрешен лишь посылкой союзникам новой официальной ноты правительства, аннулирующей смысл милюковской ноты. При этом я добавил, что, конечно, лучшим способом удовлетворения демократии была бы отставка Милюкова. Но ни Львов, ни Некрасов, которые не раз раньше проявляли свое недовольство упорством и бестактностью Милюкова, не соглашались даже поставить вопрос об отставке кадетского лидера, которая повлекла бы за собой уход всех кадетских министров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.